

Имя, которое она произнесла, я знал.

Солнце светило ярко, утренний воздух был наполнен ароматом гардений, создавая приятную и свежую атмосферу.

Я проспал до девяти утра, наслаждаясь этим ароматным утром, и продолжил лежать в постели до полудня, когда солнце уже стало палящим.

Но теперь я больше не был главой семьи Гу, и даже если бы я спал двадцать четыре часа в сутки, это не имело бы значения. Мне больше не нужно было соблюдать все эти правила и условности.

Молодая медсестра закатила в палату тележку с едой, поставила ее в пределах моей досягаемости и вышла, как она делала это все эти дни.

Судя по времени, я уже пролежал здесь почти месяц.

Месяц назад я устроил скандал, оттолкнув всех в комнате, и каждый, кто пытался ко мне прикоснуться, получил болезненный удар по руке. Я явно показывал, что не хочу ни с кем общаться.

Просто потому, что последнее время было слишком хаотично, и я, застигнутый врасплох, хотел просто побыть один.

Однако это привело к тому, что я получил месяц спокойствия, что было благом.

Только сейчас я смог постепенно привести мысли в порядок, и мой затуманенный разум начал проясняться.

Семья Жун, семья Линь и эта частная больница в Англии, где я сейчас нахожусь.

С такими явными подсказками я давно должен был догадаться.

Семья Жун имеет обширные корни, их предки имели британское происхождение, и они унаследовали титул. Их развитие началось в викторианскую эпоху в Англии, а затем, после войн, они перемещались между Англией и Китаем. А главным врагом семьи Жун, вероятно, является семья Линь, которая обосновалась в Чайна-тауне.

В тот день глава семьи Жун пришел «выкупить» своего сына, то есть меня, и признался, что разгромил их владения в переулке Гуфан и на улице Яньчэн. Это были самые устойчивые и крепкие территории семьи Линь. Хотя история семьи Линь насчитывает всего чуть более ста лет, их невозможно было так легко уничтожить. Без тщательного планирования и подготовки, за час до прибытия на склад, это было бы невозможно.

Можно было только сказать, что глава семьи Жун был хитрым и давно готовился поглотить этот жирный кусок.

А то, что «меня» похитили, дало ему повод.

Под предлогом похищения наследника семьи Жун, он наконец смог законно захватить владения семьи Линь.

Было ли это действительно похищение, или же это был хитрый план главы семьи Жун, чтобы «пожертвовать сыном ради победы», теперь уже неизвестно.

Как ни смешно, но семья Жун, имея титул в Англии и занимая важные позиции в китайском правительстве, вела чистый бизнес и считалась семьей белых, но делала то же, что и я раньше.

Можно даже сказать, что семья Жун превосходила меня.

Как одна из главных семей белых, если семья Жун говорила, что она первая, никто не смел называть себя вторым. Семья Жун, конечно, не могла быть похожа на мою семью Гу... нет, это уже не моя семья Гу.

Я выловил брокколи из тарелки, и снова невольно подумал о том, что меня беспокоило.

Семья Жун, конечно, не могла, как семья Гу, лично участвовать в разборках, поэтому они содержали наемников для выполнения грязной работы.

И я узнал об этом всего месяц назад.

Главный герой этой истории, глава семьи Жун, за весь месяц так и не навестил своего сына.

А я, только что выбравшись из одной передраги, попал в другую.

Судя по тому, как легко семья Жун скрыла существование наемников и настоящие отношения между отцом и сыном, информационная сеть семьи Гу уже проиграла им. Исчезнуть в такой мощной информационной сети семьи Жун было практически невозможно.

Без полной уверенности, я не мог рисковать.

Как говорится, никогда не начинай битву без подготовки.

Я поковырял овощи в тарелке, сучающе бросил их обратно на стол и поднес чашку с чаем к носу.

Сладкий и теплый пар ударил мне в лицо, и я невольно отодвинул чашку подальше.

Этот чай явно был приготовлен с учетом вкусов этого возраста.

Но сорокалетний мужчина не привык пить такие сладкие напитки.

Я поставил чашку обратно и посмотрел в окно на лужайку. Даже летом в Лондоне температура редко поднимается выше двадцати градусов, и в легкой одежде было вполне комфортно. На лужайке за окном дети бегали и играли.

Я на мгновение задумался.

Ноги этого тела были здоровы, и когда пулевое ранение заживет... я тоже смогу бегать.

Авария в тридцать лет заставила меня думать, что я больше никогда не смогу бегать, и всю жизнь буду прикован к инвалидной коляске, но теперь я получил это здоровое тело.

Небеса ко мне благосклонны.

Внезапно дверь палаты открылась.

Я недовольно нахмурился, задаваясь вопросом, кто мог побеспокоить меня в такой момент.

В палату вошел мужчина в строгом костюме.

Я продолжал смотреть в окно, не желая обращать внимание на этого невежливого человека. Войти без стука — где же воспитание?

— Молодой господин Жун, сегодня отличный солнечный день, не так ли?

Действительно, отличный. Такая хорошая погода в Лондоне — редкость. На улице было больше людей, чем обычно, вероятно, все вышли подышать свежим воздухом.

— Молодой господин Жун, я психолог, которого пригласил ваш отец. Вы не против, если я присяду?

Психолог?

Я чуть не забыл, что сейчас мне всего четырнадцать лет, я еще ребенок, и в таком возрасте, после похищения, перестрелки и ранения, у большинства остались бы психологические травмы.

Но внутри я был сорокалетним мужчиной, бывшим главой семьи Гу.

— Не нужно, уходите, — холодно ответил я.

Он замолчал, явно не ожидая такого резкого отказа.

Внезапно передо мной возникла фигура, заслонившая солнечный свет и мой вид из окна.

Мой взгляд медленно поднялся от его груди.

Твердый подбородок, резкие черты лица, слегка впалые глаза, глубокие темные зрачки.

Это лицо излучало зрелость и уверенность, с аурой человека, давно находящегося у власти, и его взгляд был пронизывающим, словно он мог видеть все насквозь.

Глава семьи Жун.

Даже когда я был главой семьи Гу, я никогда не видел этого загадочного лидера самой влиятельной семьи белых.

Он всегда оставался в тени, и с такими ресурсами семьи Жун ему не нужно было вникать во все лично, достаточно было управлять всем из-за кулис, поэтому он редко появлялся на публике.

Это был мой первый раз, когда я видел его в обеих своих жизнях.

Он стоял передо мной, не говоря ни слова, но его присутствие было настолько сильным, что трудно было слушаться.

Именно этой черты мне не хватало, иначе я бы не смог подчинить себе членов семьи Гу только к тридцати годам.

— Ничего не беспокоит?

Он сел на край моей кровати, его голос был спокойным и ровным.

Я взглянул на него и сразу же отвел взгляд, слегка кивнув.

Обычный ребенок, переживший психологическую травму, должен быть робким, замкнутым и избегать общения с людьми.

Я сжал губы и снова посмотрел в окно, избегая прямого взгляда.

Было немного неловко, ведь я занял тело его сына.

— В последние дни я был занят делами семьи Линь. Как твоя нога? — Его грозная аура немного смягчилась, и он сел на край кровати, его голос стал мягче и тише, словно он пытался играть роль отца.

Хотя у меня была внешность четырнадцатилетнего подростка, внутри я был сорокалетним мужчиной, и за свою прошлую жизнь я видел много людей. Я мог понять, было ли его отцовское чувство искренним.

Я снова кивнул, как послушный ребенок, который молча отказывается от общения, отвечая на все вопросы утвердительно, с одной целью — чтобы они скорее ушли.

Он посмотрел на меня еще раз, встал и вышел с врачом из палаты.

— У молодого господина Жун такие симптомы...

— Сколько времени потребуется на восстановление?

— Молодой господин Жун отказывается общаться с другими... трудно... может занять несколько месяцев... или даже годы...

Их разговор был достаточно громким, и через приоткрытую дверь до меня доносились обрывки фраз.

Вероятно, они говорили о том, что восстановление у каждого происходит по-разному, и может занять от нескольких месяцев до нескольких лет.

<http://bllate.org/book/16596/1516547>